

В. Д. ЛЕВИН

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ПУШКИНА *

Эта статья написана в связи с начавшейся в Институте русского языка АН СССР работой над коллективной темой «Язык Пушкина и его роль в создании стилистической системы русского литературного языка первой половины XIX в.»¹. Статья имеет своей целью определить основные задачи, которые ставят перед собой авторы работы, ее проблематику. В ней не рассматривается вопрос о композиции книги, ее структуре, содержании отдельных глав и разделов и т. д. — эти вопросы могут быть решены только тогда, когда работа над темой будет достаточно далеко продвинута. Можно лишь сказать, что книга, по мысли авторов, должна представлять собой не сборник, состоящий из отдельных статей, а цельную монографию, проникнутую единством в понимании задач исследования и его методологии.

1

Работа ставит целью исследование языка (собственно — лексики) сочинений Пушкина и определение его роли в становлении стилистической системы норм русского литературного языка первой половины XIX в. Необходимо заметить, что, говоря о роли языка Пушкина, надо иметь в виду не только пушкинские новации, но также и то, что сохранилось в языке Пушкина из прошлого и было закреплено его практикой. Разумеется, это не значит, что не должно фиксироваться то новое, что внес Пушкин в развитие литературного языка. Но важно, что язык Пушкина рассматривается как цельная система, как выражение литературного языка его времени, независимо от того, выступал ли в отдельном конкретном случае Пушкин как новатор или лишь закреплял, утверждал то, что было выработано в предшествующей традиции. Такой подход к языку Пушкина оправдан и той действительной ролью, которую он играл в истории литературного языка. Последующие поколения воспринимали как пушкинское все то, что они находили в его сочинениях.

2

Отбор материала для исследования определяется тем обстоятельством, что объектом изучения является в предлагаемой работе язык Пушкина-художника. Следовательно, центр тяжести падает на рассмотрение художественных произведений Пушкина; языковые факты из его публицистических произведений, критической и исторической прозы, а также писем привлекаются лишь как дополнительный, хотя и весьма важный материал. Тем не менее авторы рассматривают свою работу, как относящуюся к области истории литературного языка, а не к той, которую имеют

* Статья печатается в порядке обсуждения.

¹ В работе принимают участие, помимо автора статьи, ст. научн. сотр. А. Д. Григорьева и И. С. Ильинская, мл. научн. сотр. Н. Н. Иванова и П. Д. Крючкова.

в виду, когда говорят о «языке художественной литературы». Вместе с тем предполагается, что в задуманном исследовании должна учитываться и специфика самого материала — специфика художественной литературы. В связи с этим есть необходимость остановиться на вопросе о соотношении разных планов исторического исследования языка применительно к художественной литературе. Как реакция на господствовавшее два-три десятка лет назад смешение методов изучения истории литературного языка и истории языка художественной литературы, в последние годы настойчиво подчеркивается их принципиальное различие, и это представляется вполне закономерным и чрезвычайно существенным. Но остается в тени важный вопрос о принципах использования материала художественной литературы в исследованиях по истории литературного языка. Есть даже попытки вообще отказаться от этого материала, как специфически художественного и поэтому непригодного для изучения истории литературного языка. В лучшем случае из художественной литературы предлагается извлекать лишь тот языковой материал, который подкрепляет выводы о норме литературного языка, сделанные на основе изучения нехудожественных видов письменности — публицистики, научной и деловой литературы. Между тем история литературного языка и история языка художественной литературы не только противопоставлены друг другу по методу и задачам, но и взаимосвязанны, а для некоторых эпох, в частности и для рассматриваемой, эта их взаимосвязь имеет принципиальное значение и определяет существеннейшие черты стилистической системы литературного языка.

В пределах языкознания можно выделить три типа (или три аспекта) изучения языка художественной литературы. Язык художественной литературы может исследоваться исключительно как эстетическая категория, как «словесное искусство», причем язык отдельного художественного произведения или произведений какого-либо писателя или целой литературной школы рассматриваются прежде всего в плане индивидуально-стиля. Разумеется, такое исследование языка художественной литературы наиболее отчетливо противопоставлено проблемам собственно литературного языка. Общелитературный язык присутствует здесь только как фон, без которого невозможно восприятие художественного своеобразия произведения. Прямо противоположный характер носит анализ языка произведений художественной литературы только как отражения норм общелитературного языка. В этом случае литературно-художественное произведение рассматривается просто как памятник литературного языка; здесь не ставится никаких задач, связанных со спецификой художественной литературы, тем более с индивидуально-художественным стилем писателя. Более того, все такого рода специфические явления учитываются только для того, чтобы исследователь мог изолировать и отбросить их, поскольку они мешают выявлению норм общелитературного языка. Названные два подхода к языковому материалу противопоставлены друг другу как два различных аспекта исторических исследований языка — как история языка художественной литературы (или, вернее, история индивидуально-художественных стилей) и история литературного языка. Смешение и взаимная подмена этих аспектов исследования недопустимы, поэтому стремление разграничить их в отношении задач, методов и самого принципа отбора объектов необходимы и закономерны (см., например, из последних работ: Н. С. П о с п е л о в. «О трех аспектах исторического изучения языка», — где различаются историческая грамматика и лексикология, история литературного языка и история языка художественной литературы². Однако возможен и третий аспект в изучении языка художественной литературы, соприкасающийся как с первым, так и со вторым

² См. сборник «Otázky slovenské syntaxe». Praha, 1962, стр. 128—131.

из названных. Имеется в виду исследование того общего, что присуще в данный исторический период языку художественной литературы или отдельных ее видов — иногда лишь в рамках того или иного литературного направления. В этом случае художественная литература получает какую-то языковую характеристику, а язык литературы выступает как функциональная разновидность (или система разновидностей) литературного языка и тем самым попадает в сферу внимания не только историка стилистики художественной литературы, но и историка литературного языка. Характеристика языка художественной литературы выступает здесь как характеристика каких-то сторон самого литературного языка; в этом отношении рассматриваемый аспект исследования смыкается с историей литературного языка — или даже входит в нее как частная ее проблема — и резко противопоставлен истории индивидуально-художественных стилей. В то же время здесь сохраняется проблема специфики языка художественной литературы в кругу других сфер употребления языка — и в этом отношении такой аспект исследования заметно отличается от того, который имеет своим предметом только общелитературный язык, и сближается с тем, который рассматривает язык литературы в плане словесного искусства³.

Здесь появляются, следовательно, точки соприкосновения и с эстетическими проблемами; эстетические категории, однако, носят здесь характер нормативный, рассматриваются с точки зрения установившихся в художественной литературе норм, а не индивидуально-стилистического своеобразия писателя или отдельного художественного произведения. Это относится, например, и к такой эстетической категории, как образ повествователя, структурно-стилистическая роль которой особенно подчеркивается в последних работах В. В. Виноградова.

Таким образом, в этом аспекте преодолевается прямолинейное и безусловное противопоставление истории литературного языка так называемой «истории языка художественной литературы». (Строго говоря, только к нему и применимо это наименование — история языка художественной литературы — в отличие от истории индивидуально-художественных стилей.)

3

Эти три различных подхода к извлеченному из художественных произведений языковому материалу находятся между собой в различных отношениях на разных этапах истории литературного языка (и истории литературы), — в прямой зависимости от того места, которое занимает язык художественной литературы в стилистической системе литературного языка, какова его специфика на данном историческом этапе. Принципы и методы анализа языка художественных произведений Пушкина должны определяться теми отношениями между литературным языком и языком художественной литературы, которые существовали в пушкинскую эпоху, теми тенденциями развития, которые определяли своеобразие этих отношений. При этом надо уже теперь сказать, что речь в основном идет о двух последних аспектах, связанных с проблемами истории литературного языка; индивидуальный стиль Пушкина не является предметом данного исследования, хотя некоторые принципиальные вопросы, связанные с этой индивидуально-стилистической стороной творчества Пушкина, не могут не быть рассмотрены в работе.

На материале преимущественно художественных произведений Пушкина должно быть обрисовано, следовательно, пушкинское представление об общелитературной норме словоупотребления. Это оправдано, в частности, тем обстоятельством, что художествен-

³ См. также: Е. Курлович. Поэтический язык с лингвистической точки зрения. «Очерки по лингвистике». М., 1962.

ная речь Пушкина — это особенно очевидно для прозы — выступает как воплощение общелитературной нормы. Известно, что выходы за ее пределы в область жаргонов, нелитературного просторечья или так называемой «простонародной» речи у Пушкина ничтожны. С этим связана та роль, которую сыграли именно художественные произведения Пушкина в развитии не только языка литературы, но и языка как нормы общелитературного выражения.

Рассматривая язык произведений Пушкина в этом общелитературном, чисто нормативном плане, необходимо представить его как цельную стилистическую систему. Если оставить пока в стороне те специфические явления, которые связаны с языком художественной литературы (об этом ниже), можно сказать, что главное здесь — определение состава и границ двух основных стилистических категорий, составляющих основу этой системы: книжной и разговорной разновидностей литературного языка. Формирование этих категорий составляло главное содержание истории литературного языка конца XVIII — начала XIX в.; рассматриваемое нами время внесло в этом отношении много нового.

Разрушение системы трех стилей литературного языка во второй половине XVIII в. сопровождалось развитием архаического книжного «славяно-русского языка». В «карамзинский» период произошел решительный пересмотр границ книжного языка. Исключение из литературного обихода архаики книжного языка и резкое сужение сферы употребления высокой «славянской» лексики и фразеологии означало в то же время отбор жизнеспособных элементов книжного языка⁴. Необходимо признать, что «карамзинское» решение этой проблемы оказалось чрезвычайно плодотворным и устойчивым. Вопреки встречающемуся в научной литературе предположению, в «новом слоге» не обнаруживается чрезмерного пуризма по отношению к книжной «славянской» традиции. Во всяком случае, нет оснований говорить о том, что впоследствии произошла «реабилитация» целых серий книжных слов, оставленных «карамзинской школой» без употребления. Отдельные случаи такого рода, возможные в любой период развития языка, не имеют принципиального значения. Можно утверждать, что возможности старокнижной традиции для литературного языка были в общем выявлены и исчерпаны уже в «карамзинский» период. Иное дело, что складывающаяся в «карамзинской школе» норма книжного языка не сразу стала общепринятой, что еще язык начала XIX в. обнаруживает в употреблении архаических элементов заметные колебания. Пушкинское время в этом отношении важно как эпоха окончательного утверждения и закрепления тех норм и тенденций развития книжного языка, которые вполне отчетливо обнаружили уже в 90-е годы XVIII и начале XIX в. Этим определяется значение исследования границ и состава книжного элемента в языке Пушкина.

По-иному складывалась судьба разговорно-литературной речи. Наряду с тем прогрессивным, что несла с собой борьба «карамзинской школы» против «простонародности» в устной и письменной речи, — стремлением к нормализации разговорного языка — она вследствие своих пуристических тенденций определила антидемократический характер «нового слога». Карамзинизм не признавал разговорности как особой стилистической категории. Тенденция к нейтрализации обнаруживала себя вполне именно в отношении к разговорным элементам языка.

Расширение литературных прав так называемого «просторечия» — один из важнейших процессов развития литературного языка первой половины XIX в., особенно интенсивно обнаруживший себя именно в пушкинскую эпоху — с 20-х годов. Рассматривая этот процесс, следует учи-

⁴ Этому, разумеется, не противоречит тот факт, что словообразовательные средства церковнославянского происхождения служили и в дальнейшем одним из актуальных источников обогащения книжной лексики.

тивать те трудности и противоречия, с которыми он протекал и которые были связаны с изменениями в самой бытовой речи, ее нормализацией. Перед исследователями этого явления стоит задача проследить процесс выхода из письменного и, очевидно, также и устного употребления многих элементов старого дворянского просторечья и, отчасти, слов и выражений, носивших нейтральный характер, и в то же время — отметить все расширяющийся процесс демократизации литературного языка, проникновение в него и закрепление слов и сочетаний, расценивавшихся ранее как «простонародные», нелитературные (см., например, замечания И. И. Дмитриева). При этом явно недостаточно было бы ограничиться указанием тех слов и фразеологических сочетаний, которые подверглись подобным изменениям. Важно представить это явление как процесс формирования новой стилистической категории — так называемой разговорной разновидности литературного языка (или разговорно-литературной речи)⁵. Важно показать источники этого лексического разряда литературного языка; разговорно-литературная речь в этот период — арена столкновения двух речевых потоков, идущих в разных направлениях: из нелитературного просторечья в литературный язык и из нейтрального слоя литературного языка на его периферию. С этим связана и неустойчивость, подвижность самого состава разговорно-литературной речи того времени.

Важно подчеркнуть, что формирование разговорно-литературной разновидности означало перестройку самой системы литературного языка; оно ставит в другие отношения и книжно-литературную речь, сформировавшуюся ранее.

4

Установление границ и состава книжной и разговорной разновидностей литературного языка в языке Пушкина является одной из главных задач исследования. Надо, однако, заметить, что, хотя эта задача будет решаться преимущественно на материале художественных произведений, собственно специфика этого материала пока остается невыявленной. А это значит, как уже говорилось, что и сама система литературного языка оказывается очерченной неполно, односторонне⁶. Появляется необходимость рассмотреть также и специфические проблемы языка художественной литературы в том плане, в том аспекте, который выше характеризовался третьим в числе других аспектов исследования языка литературы.

В связи с этим возникает потребность обозреть и осмыслить исторически меняющееся место языка художественной литературы в системе литературного языка во второй половине XVIII и начале XIX в. и определить, как решалась эта проблема в пушкинское время — и прежде всего в творчестве самого Пушкина.

Естественно, что в настоящей статье этот вопрос не может быть рассмотрен сколько-нибудь обстоятельно. Ограничимся поэтому схематическим изложением лишь некоторых, самых общих соображений.

Нам представляется, что в системе «трех стилей» специфические, связанные с языком художественной литературы проблемы возникают отчасти только применительно к низкому стилю, в связи с широким употреблением здесь, как условно-характерологического средства, просто-

---

⁵ Эти названия не должны создавать впечатления, что речь идет только собственно об устной речи, разговоре. Проблема норм устной речи переросла в вопрос о «разговорности» как экспрессивной краске, как стилистической категории литературного языка вообще, в том числе и его письменной формы.

⁶ Надо вообще заметить, что решать вопросы об общелитературной норме на материале одного автора (или даже только выдвигая его в качестве центральной фигуры) нецелесообразно практически и уязвимо с точки зрения методологической. При исследовании этих вопросов следует, напротив, стремиться к тому, чтобы язык отдельных авторов оказался поглощенным общей характеристикой норм литературного языка.

речия и простонародных элементов. Вообще же, если говорить о языке (а не о средствах образности, тропах и т. д.), художественная литература подчиняется нормам соответствующего стиля литературного языка вообще⁷. Для высокого и среднего стиля это особенно очевидно.

В связи со сказанным и самый анализ языка высоких и средних жанров художественных произведений выдерживается в плане установления норм соответствующих стилей литературного языка. Элементы индивидуального обнаруживаются в строгих рамках этих норм и предписаний. В низком стиле к этому прибавится рассмотрение типичных и условных средств языковой характеристики «низких», бытовых персонажей комедии, «рассказчика» в притче и т. п.

С распадом системы трех стилей место языка художественной литературы в литературном языке должно было измениться. В самом общем виде можно сказать, что язык художественной литературы получает в это время некоторую, так сказать, автономию. Следует, однако, рассматривать дифференцированно те явления литературы, которые связаны со старыми традициями классицизма, и те, которые отражают, условно говоря, карамзинское направление в развитии литературы и литературного языка.

5

Чрезвычайную устойчивость обнаружил высокий стиль, но для конца XVIII и тем более для начала XIX в. трудно говорить о высоком стиле русского литературного языка в старом, «ломоносовском» смысле. Он обнаруживал отчетливую тенденцию все более и более замкнуться в рамках некоторых, традиционных (или развивающихся по традиционным образцам) жанрах и видах художественной литературы. Он сохранялся, следовательно, как некоторая разновидность художественной речи, отличающаяся определенными языковыми приметам; в то же время он терял свое общезыковое, общелитературное значение. Это станет особенно очевидным, если сопоставить высокий слог этого времени с книжным «славяно-русским» языком второй половины XVIII в., употребление которого выходило далеко за пределы «высокой» литературы — художественной и нехудожественной. Надо к тому же иметь в виду, что высокий стиль, в старом его понимании, — это элемент, составная часть определенной стилистической системы литературного языка, которая не существовала уже к началу XIX в. Но и в пределах художественной литературы высокий слог существует изолированно, лишь как реликт старой системы. Направление развития низкого стиля было прямо противоположным. «Низкие» жанры начала XIX в. резко порвали с традициями XVIII в.; ослабляя собственно художественные, характерологические функции, они все более обнаруживали свою общезыковую, общелитературную роль, отражая отмеченный выше процесс складывания «разговорной» разновидности литературного языка.

Таким образом, старые традиции высокого стиля отразились в начале XIX в., в предпушкинскую пору, в определенных видах и жанрах художественной литературы; соответственно этому можно говорить о «высоком» пласте языка (прежде всего лексики), свойственном исключительно или преимущественно этим жанрам и видам литературы. В то же время и в «карамзинской» литературе художественная речь обособлена от общелитературного языка присущими ей языковыми приметам — так называемыми «поэтическими» языковыми средствами, прежде всего — лексическими, фразеологическими и, отчасти, синтаксическими.

⁷ Ср. противоположную точку зрения А. И. Ефимова, рассматривающего «три стиля» лишь как стили «языка художественной литературы» (А. И. Ефимов. История русского литературного языка. Изд. 3, М., 1957).

Следовательно, для предпушкинского времени можно говорить о специфических языковых чертах, свойственных художественной литературе. Но эти черты и особенности следует рассматривать и как проявление сложившихся традиций художественного изображения и как отражение определенных норм литературного языка. В этой связи важно подчеркнуть, что споры «пишквовистов» и «карамзинистов», касаясь собственно вопросов языка художественной литературы, а не литературного языка вообще, носили в то же время по преимуществу н о р м а т и в н ы й, а не собственно э с т е т и ч е с к и й характер, отражая различное понимание норм и границ литературного языка, его стилистической структуры. Для этого времени особенно важным и актуальным является третий из названных ранее аспектов изучения языка литературы. Перед исследователем ставится задача определить конкретные языковые черты, признаваемые нормальными для художественной литературы в первые десятилетия XIX в. Естественно, что наибольший интерес представляют те языковые факты, которые окажутся специфически «художественными» в том смысле, что они не свойственны литературному языку в целом, будучи прикрепленными к художественной литературе. При этом важно еще раз подчеркнуть, что имеются в виду не те специфические средства, употребление которых в художественном произведении мотивировано только сюжетом, кругом персонажей, «чертами местности», эпохой и т. д., или такими специальными художественными задачами, как стилизация, пародия и т. д. Изучение таких чисто характерологических средств имеет для историка литературного языка только «негативное» значение. Речь, следовательно, идет о тех фактах, которые или выступают как условность художественной речи вообще и не несут с собой никакой иной экспрессии, кроме экспрессии художественности, поэтичности, или, хотя и обладают более конкретными стилистическими характеристиками и служат средством выражения авторских эмоций, авторского отношения к изображаемому, являются в то же время принадлежностью исключительно (или преимущественно) художественной литературы. В обоих случаях мы вправе рассматривать выделенные языковые средства как факт литературного языка; анализируя их, мы остаемся в рамках тех возможностей, которыми обладает литературный язык этого времени, хотя и реализуются эти возможности лишь в одной из его разновидностей⁸.

Анализ состава, «репертуара» этих специфических для художественной литературы предпушкинского времени слов и фразеологических сочетаний разного типа, а также условий и приемов их употребления окажется существенным для характеристики словоупотребления различных литературных школ. Это поможет представить более конкретно, чем это делалось до сих пор, различное понимание границ и норм литературного языка в той мере, в какой это относится к художественной литературе, у так называемых «архаистов» и «новаторов». Углубленному лингвистическому изучению должны быть подвергнуты также бытовавшие в пушкинский и предпушкинский периоды литературные стили, отчасти отражающие различия разных школ и направлений, а отчасти перекрывающие и нивелирующие эти различия.

---

⁸ Говоря о словах, относящихся к архаическому фонду языка и употребительных лишь в некоторых видах художественной литературы, важно отличать их от тех архаизмов книжного языка, которые отражают колебания в самом общелитературном употреблении. Помимо случаев самоочевидных (типа *сей, оный, токмо, поелику* и др.), сюда следует отнести и ряд таких слов, которые обычно относят к стилистически выразительным — высоким или поэтическим средствам (например, *сопутник, ответственность, воспоминать, может быть, могущий* и др.). Трудность стилистической оценки таких слов усугубляется тем обстоятельством, что по мере выхода из «общего употребления» общелитературного или только книжного, они могли сохраняться в художественной литературе, смыкаясь со стилистическими выразительными архаизмами и славянизмами.

Язык произведений Пушкина должен быть исследован — в связи со сказанным выше — на широком фоне литературно-языковых норм и процессов этого времени. Должно быть показано отношение языка Пушкина к традициям высокого стиля, поэтическому языку и нормам литературно-художественных стилей начала XIX в. Надо показать как связь языка Пушкина с этими традициями и нормами, так и наметившиеся в художественной литературе, и прежде всего в творчестве самого Пушкина, пути их преодоления, формы их трансформации. Важно раскрыть при этом не только те явления в языке Пушкина, которые свидетельствуют об изменении отдельных норм словоупотребления, и даже не только те, которые отражают движение языка отдельных жанров и видов литературы, развитие литературно-художественных вкусов и т. д., но прежде всего те изменения, которые являются результатом принципиальных сдвигов в языке художественной литературы (и в самой художественной литературе), обусловлены изменением места языка литературы в литературном языке, изменениями во взаимоотношениях этих категорий.

Одна из наиболее существенных сторон той «революции», которая произведена в пушкинскую эпоху в языке художественной литературы, заключается в возобладании эстетического момента, эстетического критерия над нормативным, в победе «чувства соразмерности и сообразности» над «безотчетным» отношением к слову. Ослабление и, в дальнейшем, преодоление стеснительных условностей художественной речи — жанрово-стилистических или абстрактно-«вкусовых» и иных, ее заданности означало постепенный выход языка литературы из числа разновидностей, «стилей» литературного языка, вообще ослабление его общелитературных функций, его роли в развитии норм литературного языка, и предвещало расцвет индивидуальных художественных стилей⁹ (см., например, замечание Белинского о том, что «в наше время [это писалось в 1841 г. — В. Л.] не дорожат одним... языком, а требуют «слога», разумея под этим словом живую, органическую соответственность формы с содержанием...»), и далее: «Наша литература была до Пушкина ученицею, особенно в прозе: вот причина исключительного владычества стилистики, убитой Пушкиным и уступившей свое место «слогу»¹⁰. Очевидно, что ст и л и с т и к а и с л о г противопоставлены здесь у Белинского как нормативная и художественная, эстетическая точки зрения. Но нужно было пройти через пушкинский этап в развитии литературы, чтобы так четко различать эти категории»¹¹.

Отмеченные процессы одновременно способствуют сближению и отдалению языка литературы и общелитературного языка. С б л и ж е н и ю, — потому что резко снижается употребительность (в прозе особенно) каких-то особых «художественных» слов, норма повествовательной речи художественного произведения стремится слиться с нормой общели-

⁹ О падении роли языка литературы в развитии норм литературного языка последующего периода см. в кн.: В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. См. также замечание Г. О. Винокура («Русский язык») о расхождении после утверждения национальной нормы «языковых интересов художественной литературы и русской письменности вообще» (Г. О. В и н о к у р. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 100).

¹⁰ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 545.

¹¹ В связи с этим очень выразительно звучит замечание А. Н. Островского о том, что до Пушкина «отношения писателей к действительности не были непосредственными, искренними, писатели должны были избирать какой-нибудь условный угол зрения. Каждый из них, вместо того чтобы быть самим собой, должен был настроиться на какой-нибудь лад; что «Пушкин первый стал относиться к темам своих произведений прямо, непосредственно» (А. Н. О с т р о в с к и й. Полное собр. соч., т. XIII. М., 1952, стр. 166—167).

тературного языка. Принадлежность жанру, литературному стилю или вообще художественной литературе в принципе перестает быть основанием для отклонений от общелитературной нормы. О т д а л е н и ю,— потому что расширяются, как характерологическое средство, права художника на всевозможные отходы от литературных норм, причем это нельзя отождествлять с теми условно-характерологическими приемами, которые сохранились в литературе как дань традиции.

Важно, однако, иметь в виду, что индивидуальное — «слог» — проявляется не только в употреблении нелитературных, характерологических средств, но и в приемах и принципах художественного использования элементов самого литературного языка, даже традиционных средств художественной речи, в приемах соединения, совмещения элементов разных стилей. Так, в языке Пушкина сокращение (а в прозе — устранение) специфических «поэтических» или архаических высоких элементов языка и, следовательно, сближение «художественного» и общего литературного языка не сопровождается далекими выходами за пределы нормы с характерологическими задачами. Отсюда и удивительная «нормативность» художественной речи Пушкина, делающая ее превосходным объектом для изучения общелитературного языка этого времени. Вместе с тем проблема индивидуального стиля для творчества Пушкина уже вполне актуальна. На пушкинском материале должен быть показан процесс качественного преобразования языка художественной литературы в его отношении к литературному языку, процесс вычленения специфических проблем языка художественной литературы.

Изучение языка художественных произведений Пушкина сопряжено с большими трудностями, в частности потому, что творчество Пушкина находится в центре отмеченных выше процессов и «перестроек». Пушкин еще тесно связан с традицией, поэтому справедливо мнение о нем, как о з а в е р ш и т е л е предшествующего этапа в развитии литературы и языка литературы; и в то же время никто более его не заслужил право называться з а ч и н а т е л е м нового этапа, нового периода в истории литературы и языка. Старое и новое тесно переплетено в языке Пушкина, причем нередко можно говорить о с т а р о м материале в н о в о й ф у н к ц и и.

Эти трудности усугубляются тем, что старые традиции следования нормам и условностям литературных стилей осложняются у Пушкина элементами стилизации, сознательного в о с п р о и з в е д е н и я с т и л я — тем, что В. В. Виноградов определил как «художественное мышление литературными стилями» (см. также замечание Б. В. Томашевского относительно приема «обнажения литературного фона произведения» в «Евгении Онегине»). Во всяком случае, без учета этого пушкинского своеобразия невозможна правильная интерпретация языка таких произведений, как «Мордвинову» («Под хладом старости»), «Мёдок», «Когда владыка ассирийский» и др. Особенно важно заметить, что и некоторые относительно новые, еще недавно живые и даже продолжающие бытовать художественные стили могут выступать у Пушкина отчасти уже как объект воспроизведения, стилизации. Таковы, например, элементы элегического стиля в «Евгении Онегине», стиль сентиментальной повести в некоторых из «Повестей Белкина» и др. Факты такого рода — своеобразное отражение тех процессов в развитии языка художественной литературы, о которых выше говорилось; они также свидетельствуют о промежуточном, переходном характере в этом отношении художественного языка Пушкина. Таким образом, встает задача разграничить в языке Пушкина о б щ е л и т е р а т у р н о е, «о б щ е х у д о ж е с т в е н н о е» (условное, заданное) и и н д и в и д у а л ь н о е. Это значит, что тот аспект анализа языка художественной литературы, который был главным, основным при изучении допушкинской поры, становится недостаточным при исследовании языка Пушкина и его современников.

Одним из важнейших показателей и результатов тех процессов, о которых шла речь выше, является решительное изменение в отношениях между прозаической и стихотворной речью. Вторжение в поэзию «непоэтического» элемента, разговорной речи способствовало сближению этих двух форм. Однако решающим для отношений стихотворной и прозаической речи является неравномерность их развития, неравномерность процесса освобождения от архаики высокого слога и от условной поэтичности — от «условных украшений стихотворства». В результате этой неравномерности различия между поэтической и прозаической речью в течение этого времени не сглаживались, а углублялись, контраст между ними усиливался. Определенный слой архаической лексики к концу 30-х годов оказался замкнутым в рамках поэзии, стихотворного языка, что было важным этапом на пути к выходу этой лексики из литературного языка вообще¹². Роль Пушкина в процессе разграничения прозаической и стихотворной речи была особенно важной (ср., например, замечания Шевырева [«Москвитянин», 1841, ч.5] о том, что «никто из писателей России..., равно употреблявших стихи и прозу, не умел полагать такой резкой и строгой грани между этими двумя формами речи, как Пушкин»).

В связи с этим появляется необходимость некоторые особенности языка Пушкина рассматривать в поэзии и прозе отдельно. Это относится отчасти к вопросу о расширении прав бытового просторечья в языке литературы, но особенно к вопросу о судьбе традиционного высокого и поэтического слоя в пушкинское время. Сопоставление прозы Пушкина с прозой его предшественников и современников должно выявить факт отказа Пушкина-прозаика от определенного лексико-стилистического и фразеологического пласта (что будет поставлено в связь с развитием повествовательного стиля вообще). При анализе стихотворной речи эти вопросы выглядят намного сложнее. Здесь возникают следующие задачи: сопоставить в этом отношении лексику ранних произведений Пушкина с лексикой его предшественников и современников; раскрыть процесс дальнейшего сокращения этой лексики и фразеологии в поэтическом языке Пушкина; показать эволюцию функций и принципов употребления архаического элемента у Пушкина — прежде всего процесс сравнительно быстрого освобождения языка поэзии от архаизмов как поэтических условностей при более длительном сохранении их в качестве стилистического средства, свойственного поэтическому языку (следовательно, тоже как своего рода условности)¹³; показать приемы скрещения и совмещения высокой лексики с простой, решительно менявших представление о нормах и границах поэтической речи¹⁴.

Таким образом, должен быть определен объем, границы традиционнопоэтического и архаически-высокого элемента в стихотворном языке Пушкина на разных этапах его творчества, раскрыты способы и приемы его употребления. В то же время должны быть разграничены разные яв-

¹² Говоря о языке поэзии этого времени, надо различать абсолютную и относительную точки зрения. Если говорить безотносительно к системе литературного языка в целом, то очевидно, что язык поэзии становится все менее архаичным. Но если рассматривать его в связи с развитием всей этой системы, то его традиционный, архаический облик станет, напротив, более заметным на фоне быстро развивающейся прозы.

¹³ См. Г. О. В и н о к у р. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. «Избранные работы по русскому языку», М., 1959.

¹⁴ См. исследование В. В. Виноградова «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941) и другие его работы. Ср. также следующее замечание Б. В. Томашевского: «Язык Пушкина поражае современников своей пестротой, резкостью сочетания славянизмов с вулгаризмами и „прозаизмами“. Но ближайшие эпигоны стерли осязательность языка Пушкина, канонизировав его лексику как единственно поэтическую» (Б. В. Томашевский, 1925, стр. 84).

ления внутри этого рода лексики. Особенное значение это приобретает для анализа собственно поэтического элемента (ср. здесь поэтические славянизмы типа *ланиты*, *злато*, *брег* и т. д., слова типа *зефир*, *перун*, *борей*, *аврора*, условно-поэтические имена, некоторые переносно-расширительные употребления нейтральных слов — например, *лампада*, *влага*, *бард*, *скальд* и под., а также такие «осколки» поэтических фразеологизмов, как *пламя* в значении «любовь» и др.; употребление названий некоторых реалий как символов — например, *лира*, *урна*, *меч*, *кубок* и под.; наконец, слова, стилистическое звучание которых обусловлено наличием в поэзии избранного набора реалий — типа *мирты*, *сени*, *туманы* и т. д.). Очень важным становится здесь анализ поэтической фразеологии разного типа в поэзии (и прозе) Пушкина на фоне употребления этой фразеологии его предшественниками и современниками.

8

Язык художественной литературы пушкинского времени и самого Пушкина должен исследоваться в связи с историей самой литературы, прежде всего на фоне развития и смены литературных направлений — классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма, — их взаимоотношений в рассматриваемое нами время. Это важно не только для того, чтобы осмыслить специфику языка художественной литературы, но это предопределяет историзм исследования, создает основу для рассмотрения языка литературы в его эволюции. При этом важно заметить, что история литературы и языка литературы, их эволюция не может быть представлена только как фон для осмысления языка Пушкина; она должна войти органически в исследование, так как творчество Пушкина явилось не только отражением этой эволюции, но ее двигательной силой, одним из ее источников. Пушкин был ее главным действующим лицом, главным «актером». Отсюда необходимость как постоянного сравнения, сопоставления языка Пушкина с языком его предшественников и современников, так и рассмотрение языка самого Пушкина в развитии, в эволюции в связи с эволюцией его творчества. Как центральный выдвигается вопрос о складывании реализма как метода художественного изображения, как «словесно-художественной системы» (В. В. Виноградов) и о роли творчества Пушкина в этом процессе. «Изучение реалистического метода Пушкина как начала новой эпохи в развитии русского искусства» рассматривается как одна из основных задач советского пушкиноведения¹⁵, достижения которого в этой области должны быть широко использованы в задуманном исследовании. Однако, обращаясь к собственно языковым сторонам этой проблемы, надо иметь в виду, что история языка литературы в этот период не может рассматриваться как механическое следствие этого процесса: это один из его органических элементов, та «среда», в которой протекает этот процесс, а отчасти и его условие. Связь между развитием литературы и литературного языка — в широком смысле слова — отличается большой сложностью, проявления ее разнообразны. Во всяком случае бесспорно, что состояние русского литературного языка в частности живучесть архаического «славянского» слоя и та неразработанность «общественного» языка, о которой писали многие деятели русской культуры, создавали своеобразие — в плане стилистики — и русского сентиментализма, и романтизма, и раннего реализма. Взаимосвязь между состоянием литературного языка и развитием реализма особенно очевидна (см. в этой связи утверждение В. В. Виноградова о том, что «реализм как словесно-художественная система в литературе того или иного народа не может сложиться до образования соответствующего национального литературного языка», а также замечание Б. В. Томашевского

¹⁵ См. проблемную записку «Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе» («Изв. АН. СССР, Отд. лит. и языка», 1962, т. XXI, вып. 1, стр. 28).

относительно роли национальной литературы в развитии языка и, одновременно, о значении языка как важного условия развития реалистической литературы¹⁶).

Авторы исследования о языке Пушкина и его времени должны широко использовать достижения советского литературоведения в определении идейно-эстетического содержания таких понятий, как романтизм и реализм. Однако перед историками литературного языка и языка художественной литературы встает задача обогатить наши представления об этих категориях путем установления их собственно языковых характеристик и выяснения их связей с состоянием литературного языка. Хотя в пределах предполагаемой работы невозможно выполнить эту задачу, но нельзя и не коснуться этого вопроса в той степени, которая необходима для осмысления исследуемых языковых процессов. Во всяком случае для каждого периода должны быть, хотя бы схематически, обрисованы и связаны с литературными направлениями следующие вопросы: *важнейшие черты стилистической системы литературного языка, соотношения различных его категорий; место языка художественной литературы в этой системе (или за ее пределами), вообще природа языка художественной литературы; конкретный состав норм литературного языка и его разных стилей, их отношение к традициям книжного языка и разговорной речи и т. д.*

9

Вопрос о связи языковых процессов в пушкинское время и языка Пушкина с процессом складывания реалистического метода (вообще с историей и сменой литературных направлений) может стать тем стержнем, вокруг которого сгруппируются разные проблемы. Он в то же время может служить критерием отбора среди этих проблем, предохранит от универсализма и «всеядности», от ухода в мелкие и побочные вопросы. Он — и это особенно важно — даст возможность определить соотношение в задуманном исследовании тех аспектов изучения языка писателя, о которых выше говорилось. Как видно из предшествующего, все три аспекта неизбежно окажутся в той или иной степени примененными в работе. Однако хотелось бы избежать механического соединения разных планов исследования. Следует добиваться, чтобы эти разные аспекты органически дополняли друг друга, находясь между собой в определенных иерархических отношениях.

Характер отбираемого для анализа материала, те задачи, которые ставятся в работе, а также и своеобразие стилистических отношений в рассматриваемое время — все это определяет тот факт, что главным аспектом изучения станет третий из ранее названных: язык художественной литературы, разных ее видов и литературных стилей как проблема норм литературного языка. Язык Пушкина рассматривается в отношении к этим нормам. Непосредственно этому аспекту исследования отвечают такие названные уже ранее задачи, как судьба элементов старого «высокого стиля» в пушкинское время и языке Пушкина, формирование и распад «поэтической» лексики и фразеологии разного рода, пути освобождения пушкинского языка от условностей поэтической речи; эволюция художественной прозы Пушкина, разговорный элемент в художественном языке Пушкина и др. Однако уже здесь обнаруживается необходимость обратиться

¹⁶ См.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 466; Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 28—29; см. также работы Д. Д. Благого, посвященные исследованию закономерностей развития русской литературы нового времени. Эти вопросы затрагиваются также и в работах других исследователей, например, в статье Р. А. Будагова «Индивидуальное в языке и стиле художественной литературы как историческая категория» («Филол. науки», 1962, № 1). Из литературоведческих работ последних лет особенного внимания в этом отношении заслуживают исследования В. Днепровы, в частности его книга «Проблема реализма».

к вопросу о составе норм самого общелитературного языка, в частности о составе книжной и разговорной разновидностей литературного языка. Но этот вопрос все же будет занимать подчиненное положение. Авторы не могут ставить перед собой задачу дать полную, исчерпывающую картину литературных норм этого времени — например, за пределами исследования окажется характеристика деловой речи Пушкина и его эпохи, его научной и исторической прозы, публицистики. Сама характеристика книжного и разговорного в языке Пушкина ограничена задачами изучения его художественной речи, — особенно это относится к разговорному элементу, который интересует нас не сам по себе, а как экспрессивно-окрашенная стилистическая категория литературного языка, в связи с его ролью и местом в языке литературы, в частности и как противостоящие архаическому и условно-поэтическому элементу.

Выбранный аспект исследования ограничивает в определенном направлении анализ синонимии в литературном языке и языке Пушкина. Нет возможности и необходимости давать исчерпывающую картину синонимических рядов даже в пределах сочинений Пушкина. Но при решении всех названных ранее вопросов должны рассматриваться изменения в составе синонимических рядов — их формирование и распадение, выпадение отдельных звеньев, изменение отношений внутри этих рядов и т. д. Здесь найдет отражение и окончательный распад системы трех стилей, и судьба «поэтической» лексики, и экспансия разговорно-бытовых элементов, и изменения стилистической окраски слов и выражений и т. д.

Точно так же подчиненный характер неизбежно будет носить и изучение семантических явлений. Очевидно, есть основания ограничиться только теми случаями, когда семантические изменения как-то связаны с явлениями стилистическими — ср., например, своеобразие семантики слова в поэтическом языке, отношение архаических прямых и общелитературных переносных значений слова и т. д.

Таким образом, принимая за основу тот план изучения языка Пушкина, который имеет своим предметом специфические проблемы художественной литературы, авторы не могут не обратиться и к некоторым смежным проблемам, связанным с общелитературным языком. В то же время неизбежны и выходы в область индивидуального стиля. Это естественно обусловлено изложенными выше изменениями в самой специфике языка художественной литературы, характерными и для творчества Пушкина. Решение буквально всех названных выше задач связано с такими выходами — например, вопрос о роли просторечия, об эволюции употребления славянизмов и т. д. Очевидно, что авторы не могут поставить себе целью анализ всей совокупности конкретных художественных функций, которые выполняют те или иные лексические и фразеологические пласты в произведениях Пушкина. Это должно стать предметом особого исследования — со своими задачами и методами. Но самые принципы употребления и соединения этих пластов, их место в художественной системе Пушкина, их общие функции, отношения к традиции и т. д. — все это не может не рассматриваться. При этом наполнится более конкретным содержанием тезис о взаимозависимости развития реалистического метода и истории литературного языка, процесса формирования его стилистической системы.

Таким образом, поставленная ранее задача — рассмотреть в языке Пушкина, на разных этапах его развития общелитературное, общехудожественное и индивидуально-стилистическое — должна решаться как единая проблема, единая задача. Такое комплексное рассмотрение разных сторон языка Пушкина в связи с развитием его творчества и литературы в целом должно раскрыть роль Пушкина как «реформатора языка» (Белинский), представить язык поэта как наиболее совершенное и всеобъемлющее выражение русской языковой культуры первой половины XIX в.